

ПРИБОЙ В ДВУХ ОСТАНОВКАХ ОТ...

Приходилось ли вам когда-нибудь бывать в Одессе? Хотите ли вы полюбить этот город по-настоящему? Если да — обязательно приобретите книгу Веры Зубаревой «Между омегой, альфой и Одессой: Трамвайчик-2»². Прочитайте ее полностью — и откройте для себя Одессу, о которой еще не знали. Она станет вашей личной судьбой, отпечатается в сердце «куликовским ожогом», боль от которого непрестанно мучает автора.

Очень трудно, практически невозможно написать о любимом городе так, чтобы «болело» каждое слово, каждая строка написанного. Но Вере Зубаревой это удалось, и тем ценнее кажется этот опыт урбанистического посвящения, который, по словам Евгения Голубовского, «должен целиком, как мегатекст, входить в антологии об Одессе». «Трамвайчик-2» — глубоко личная история, даже исповедь. Композиционно книга выстроена так, что каждый ее раздел посвящает нас во все новые подробности большой человеческой трагедии, кульминацию которой мы видим в поэме «Свеча». Это

² Вера Зубарева. Между омегой, альфой и Одессой: Трамвайчик-2. Стихи разных лет. — Charles Schlacks, Jr. Publisher Idylwild, CA, 2022. — 109 с.

описание событий, произошедших в Одессе 2 мая 2014 года — событий, которым суждено было стать отправной точкой гражданской войны на Донбассе. По-ахматовски скупое, внутренне сдержанно звучит зубаревский реквием по городу, оставшемуся прежним только в памяти. Но за этой сдержанностью — боль, которую невозможно выразить даже в поэтическом слове:

Город спит под конвоем снов.
Город видит туннели дул.
Город гонят вдоль мостовой,
Чтобы он никуда не свернул...
Слушал плоти сжигаемый зов,
Ликованья победной орды
И не вышел уже из снов —
Из последней своей беды.
А меня там давно уже нет.
И в окошке моем луна.
И в будильнике ждет рассвет.
А во сне у меня — война.

Напрасно пытается себя обмануть героиня этих строк — она все еще там, в этом городе, в тот самый день и час, когда жизнь оказалась расколота на две части и оставила ее наедине с бедой — «с новой жизнью, с памятью прежней». И в то же время она непрерывно в пути, в бесконечном поиске родины — той «земли обетованной», которой уже нет на карте, но без которой жизнь так же, как звезды на небе, «не складывается в аккорд».

Образ поезда, везущего в неизвестное, символически появляется в самом начале первого раздела «Невод памяти». Но сколько бы ни забрасывала свою сеть в прошлое лирическая героиня Веры Зубаревой — улов всегда призрачен, и желанная добыча ускользает от рыбака на дно воспоминаний о городе детства и юности. Остается только стать его вечным мифотворцем и каждый раз создавать по-новому, совершая полночное священнодействие на листе бумаги. И постепенно город перестает быть городом — он становится отдельным государством, планетой, особым сакрализованным пространством, гармонией, противостоящей хаосу бездумного мира. Отсюда масштабность и эпичность образов, в которых уже все дышит историей, оживающей перед глазами автора в новых подробностях:

Вот и снова заброшен невод.
Плещется ночь в бухте чернильницы.
Между нами целое небо
Переливается древней кириллицей.
Это я опять причалила к берегу,
Это небо опять растеклось по рельсам,
Это мой трамвай из прошлого века
Наблюдает мое возвращенье из рейса.

Где бы ни находилась Вера Зубарева — она всегда возвращается в свой родной город, точнее, несет его в себе как священную реликвию и дорогую сердцу память. Он плещется в ней морскими волнами, по которым когда-то плавал ее отец, прославленный моряк Ким Беленкович. И если конечный пункт назначения неминуемо должен

обмануть ожидания пассажира, если прежнюю, безмятежную и счастливую, Одессу уже не вернуть — все равно она останется в памяти автора. И не просто останется, а сохранится и преумножится, обретет множество обличий и имен. Одно из них, самое древнее — Хаджибей, известное с XIV века поселение (каменный замок, стоянка для судов и порт с примитивными сооружениями), находившееся на берегу Одесского залива, на месте современной Одессы. Вера упоминает это поселение в одном из стихотворений, связывая прошлое и настоящее своей исторической родины, уподобляя ее древнему Риму — универсальному образу-архетипу мировой литературы. И через эту устойчивую культурную ассоциацию передается мысль о бессмертии и нерушимости вечно прекрасного образа, олицетворения красоты и гармонии. Хаджибей живет в художественном сознании Веры Зубаревой, становится мифической инвариантной составляющей ее родной Одессы, опозитизированной историей целого народа:

Начинает вечереть.
 Камыши ерошит ветер.
 Над водою солнца треть,
 Под водой его две трети.
 Это время кораблей
 С маяками ожиданья.
 Заполняет Хаджибей
 Половину мирозданья...

Даже находясь под солнцем современной Италии, в предместье Рима, лирическая героиня все равно неизменно возвращается к уже не существующей, но по-прежнему дорогой и единственной родине — Одессе. Любое место на географической карте мира для Веры Зубаревой — всего лишь мостик на тот берег, где она оставила дом, свою историю и в конечном итоге саму себя. Так же, как в стихах Бориса Фабриканта — поэта трех родин, — здесь появляется образ корабля, дрейфующего между двух берегов, но неизменно держащего курс только к берегу прошлого, навсегда оставленного:

И восхищалась я: в Италии
 На этом самом берегу
 Я ль очутилась, я ли, я ли, я!..
 И плыл обернутый в фольгу
 Кусочек жизни в поднебесье
 Туда, где нет уже тепла,
 Где я была,
 Где быть могла..
 К далекой, дорогой..
 К Одессе...

Каким бы величественным и прекрасным ни казалось историческое прошлое родного города Веры Зубаревой — все равно неизменно гармония этого древнего мира перекрывается тревожными sireнами современности, и на первом плане оказывается отнятый когда-то у героини «город-фантом, город-туман», город-призрак, регулярное невозвращение в который превращает и самого автора в нечто иллюзорное, ненастоящее:

Снится Город в дожде.
 Снится Город в ветрах.

Отраженье в воде
Разбивается в прах.
Снится Город-туман,
Снится Город-фантом,
Хлещет море из ран,
И рассыпался дом.
Мне его не спасти.
Мне ему не помочь.
Я иду к нему каждую чертову ночь.
И врезаюсь во мглу,
И стою на ветру,
И зову.
И сама рассыпаюсь к утру.

Город, снящийся каждую ночь, пребывающий в вечном дожде, — очевидный отсыл к роману Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Не случайно и один из разделов книги называется «Сумма одиночеств». Он логически завершается поэмой «Реквием по снегу», подводя некий промежуточный итог в истории, рассказанной автором:

Время заканчивается там, где вода.
Мы спим и движемся вереницей туда,
Где сверху сияющее, а внизу беспросветное,
И будущее пятится в никуда
И на дудочке древа играет ветром.

Написать такую книгу — значит совершить акт подлинного мужества. Многие ли из нас осмелятся заново пройти по следам былой трагедии? Даже если ожог от нее все так же саднит и мучает по ночам. А Вера Зубарева вместе со своим читателем проходит этот путь заново — двигаясь из невода памяти к «берегу другому», где «дома и улицы» такие же родные, как люди, жившие здесь, где из памяти всплывают лица и ушедших, и ныне живущих. А в конце неминуемо — «поиск земли» и «песнопение трамвая», звенящего о том, что «больше нет такого города» и впереди лишь «сумма одиночеств».

И все же автор не теряет надежды и верит в то, что у Одессы будут еще и другие, более счастливые истории. Как бы там ни было — вход в старые дворики родного города остается свободным, а неуклонно движущийся вперед трамвайчик Веры Зубаревой будет показывать в окне ночные пейзажи в духе Блока, но, как всегда, окажется там, где даже «оборванный след на песке» выведет к морю и родным берегам. Таков его маршрут, который никто и никогда не изменит:

Перед стихами плохо спится.
Тревожно в мыслях, на душе,
Мелькает жизнь, мелькают лица,
Свет на четвертом этаже,
Трамвай, набитый до отказа,
Столб на углу (при чем тут он?),
Фонарь, что подстрелили сразу
(Ушел в запой он с тех времен),

Закат на улице Марсельской,
За воробьем следящий кот
И ритм всего — почти вселенский —
Прибой в двух остановках от...

Елена СЕВРЮГИНА